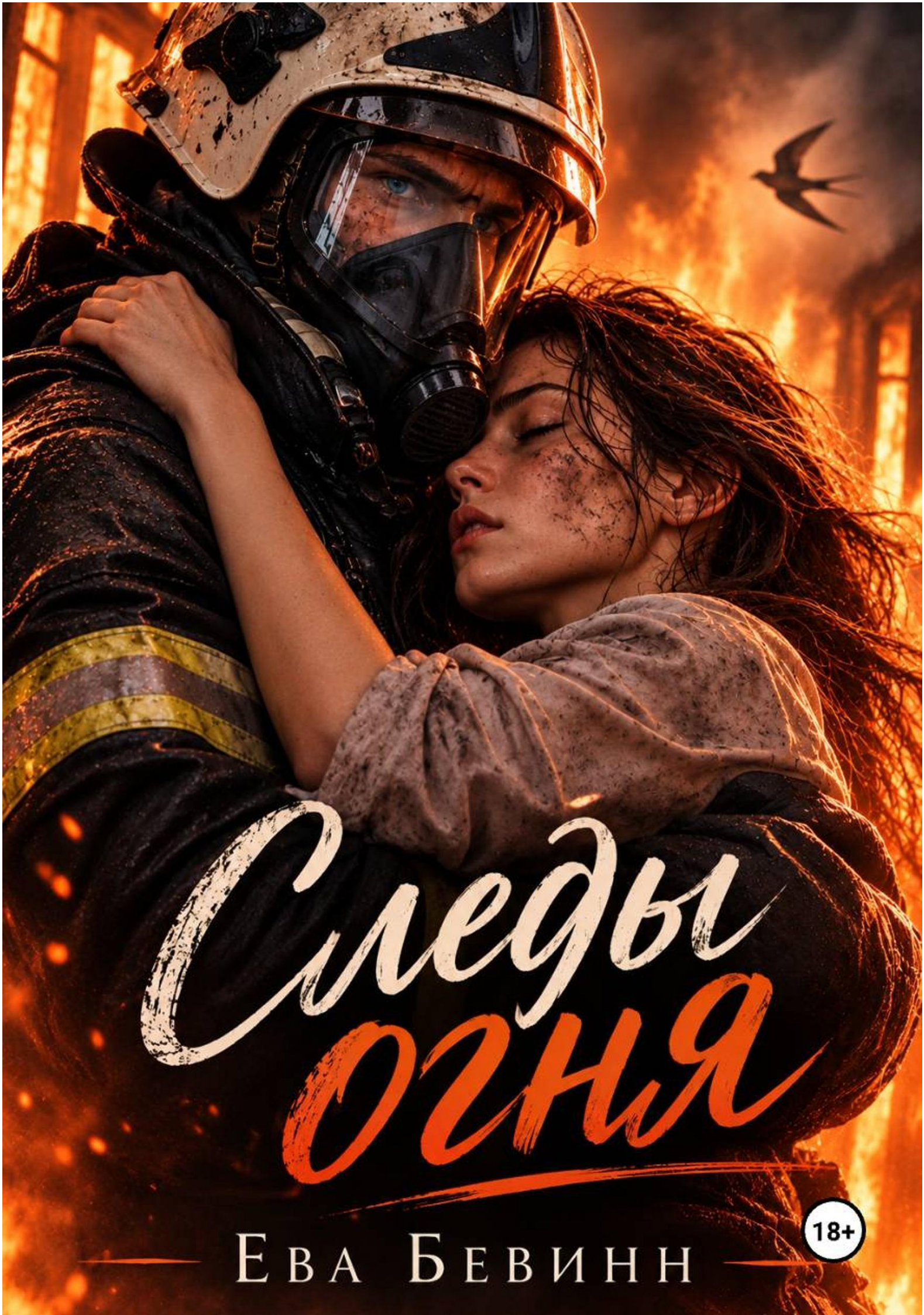

Следы огня
18+
Ева Бевинн

Ева Бевинн

Следы огня

«Автор»
2026

Бевинн Е.

Следы огня / Е. Бевинн — «Автор», 2026

Пятнадцать лет назад огонь забрал у семилетней Ани маму. От той ночи остались травма, жизнь «под стеклом» таблеток и сны о синих глазах пожарного, который вынес её из огня и погиб сам.Теперь Аня — реставратор. Она снимает копоть со старых холстов, но своё прошлое не трогает. Пока не встречает Пашу — весёлого, горячего пожарного с теми самыми глазами. Паша любит её яркой, и Аня перестаёт пить таблетки. Ей кажется, что она наконец живёт по-настоящему. Она не замечает, что сгорает.Замечает Антон, старший брат Паши. Дознаватель с лицом, изуродованным огнём, прямой до жестокости и единственный, кто говорит ей правду. Почти всю. Потому что одну тайну он хранит пятнадцать лет.Между братьями вспыхивает то, что уже не потушить. И Ане придётся понять, кого она любит: живого человека или глаза из сна.«Следы огня» — роман о любви, огне и правде, которую слишком долго прятали. О том, что под любым слоем копоти есть живое лицо, если хватит смелости его расчистить.

© Бевинн Е., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Пролог. Пожар 5
Часть I. Синие глаза. Глава 1. Ветошь 9
Глава 2. Пышки. 12
Глава 3. Воскресенье 15
Конец ознакомительного фрагмента. 17

Ева Бевинн
Следы огня

Пролог. Пожар

Реставрация прекращается там, где начинается гипотеза.
Венецианская хартия, 1964

1

Аня проснулась оттого, что мама трясла её.

— Анечка! Ласточка, вставай. Ну же!

Ночник не горел. Темнота была неправильная, густая, и в ней пахло палёным, как в тот раз, когда мама забыла на плите гречку, только сильнее. Щипало в носу.

Их дом был старый, послевоенный, деревянный, на восемь квартир. Бабушка говорила, что его строили пленные немцы. Дом скрипел даже ночью, но сейчас он не скрипел. Он трещал.

Мама сдёрнула с неё одеяло. Руки у мамы были мокрые и дрожали, и от этого Ане стало страшнее, чем от темноты: мамины руки никогда не дрожали. Она сунула ей мягкого зайца и потащила её к входной двери.

Мама открыла дверь и захлопнула её. Аня успела увидеть: на площадке горело. Горела дверь Михеевых напротив, горели перила, а снизу по ступеням поднимался огонь. В прихожую ворвался дым. Мама навалилась на дверь спиной и закашлялась.

— Михеевы же на даче, — сказала она непонятно кому.

Потом присела перед Аней и взяла её за плечи.

— Иди к себе. Закрой дверь и сядь у окна. Пожарные приедут и снимут тебя через окно. Поняла? У окна.

— Нет, нет, мама, я боюсь. Не уходи!

— Телефон на кухне. Я позвоню и приду. Аня, слышишь? Я сейчас приду.

Аня вцепилась в её халат. Мама отцепила её пальцы по одному и толкнула кухонную дверь.

Оттуда ударило жаром, так что щекам стало горячо. Стена, за которой была квартира Михеевых, потемнела, обои на ней вздулись пузырями. Календарь с котятами на этой стене стал оранжевым и шевелился. Котята горели. Мама натянула ворот халата на лицо и шагнула внутрь.

Надо было идти к окну. Аня знала. Но ноги не шли. Она стояла в коридоре, прижимала зайца к подбородку и слушала, её трясло.

Мама кашляла. Мама кричала «алло», потом ещё раз, громче, потом закричала в трубку их адрес, и Аня узнала название своей улицы.

В кухне лопнула банка. Ещё одна. Над дверью хрустнуло, и балка поехала вниз вместе с косяком и куском потолка. Аня отскочила. Там, где была дверь, где только что прошла мама, стоял огонь выше её роста.

— Мама!

Мама крикнула из-за огня. Слов Аня не разобрала, только своё имя. Один раз. Потом там только трещало.

— Мама! Мамочка! Мама, выходи!

Аня кричала так, как не кричала никогда, даже когда упала с качелей и разбила лоб. Она кинулась к огню. Жар хлестнул по лицу, на лбу затрещали волосы, и ноги сами отдёрнули её назад. Она кинулась ещё раз и опять отлетела к стене. Тогда она затопала, замолотила кулаками по обоям и закричала уже без слов, на одной высокой ноте, так что зазвенело в ушах.

Дым полез в горло, и крик оборвался кашлем. Аня кашляла, согнувшись пополам, пока не заслезились глаза, а в перерывах хрипела «мама» и думала, что мама не слышит, потому что она плохо зовёт. Надо громче. А громче не получалось.

Огонь в проёме загудел сильнее, громче, чем она. Аня замолчала. Огонь её слышал.

Она побежала в свою комнату, самую дальнюю от квартиры Михеевых. Не к окну: окно было большое и чёрное, а за ним никого. Под кровать, туда, где она пряталась от грозы и где гром её ни разу не нашёл.

Под кроватью было тесно и пыльно. Аня легла на живот и прижала зайца к лицу. Она договорилась с собой: если не шевелиться и не кашлять, огонь пройдёт мимо, как гроза. А мама позвонит и придёт. Мама находила её всегда, даже когда Аня пряталась так хорошо, что сама начинала бояться, что её не найдут.

Сейчас придёт. Мама сейчас придёт.

Дым заполз в комнату в щель под дверью, тонкой серой простынёй, потом гуще, потом забрался под кровать и лёг на пол рядом с ней. Она зажала рот ладонью. Кашель всё равно прорывался, сквозь пальцы, через нос, и каждый раз она замирала: услышал? Грудь болела. Глаза жгло так, что она их больше не открывала. Аня уже не понимала, где находится.

Сейчас придёт.

На улице завыла сирена. Аня подумала, что это хорошо, и тут же испугалась, что это плохо: раз сирена, значит, всё по-настоящему.

— Не бойся, — шептала она зайцу в ухо. — Мама уже идёт. Не бойся.

На лестнице, за дверью квартиры зашипело, громко и долго, и закричали чужие мужские голоса. Гул стал рваным, а потом стих.

За стеной треснуло так, что дрогнул пол, и со стола посыпались карандаши и фломастеры. Аня дернулась, стукнулась затылком о дно кровати, и заяц выскользнул из рук. Она шарила по полу и не могла его найти, а открыть глаза было больно. Тогда она заплакала по-настоящему, беззвучно, потому что огонь мог услышать.

Мама не пришла. Пришли шаги.

Тяжёлые, громкие, они топали по коридору, будто там шёл настоящий слон. Не мамины: мама ходила по-другому. Дверь распахнулась и ударилась о стену. Даже сквозь сжатые веки Аня увидела свет, красный, горячий. Он прошёл по шкафу, по стулу, по кровати и остановился на ней.

Она открыла глаза. Свет был белый и резал до слёз.

К ней наклонилось чудовище. Огромная голова, гладкая и блестящая. Вместо лица чёрная маска со стеклом, и маска шипела при каждом вдохе. Чудовище опустилось на колени и полезло под кровать рукой в толстой перчатке.

Аня поползла назад, пока не упёрлась в стену. Хотела закричать, но не хватило воздуха. Она закрыла голову руками, как от грозы.

Перчатка остановилась. Чудовище повернуло фонарь к себе.

За стеклом были глаза. Синие, очень яркие. Они не злились. Они моргнули.

— Эй, — сказало чудовище глухо, через хрип. — Я пожарный. Иди ко мне. Я тебя вынесу.

Аня не двигалась.

— Давай. Ко мне. Быстрее.

— Кто ещё в квартире? — крикнул он. — Кто ещё дома?

— Мама! Там. — Аня ткнула пальцем в сторону кухни. — Она звонила. Она сказала, что придёт.

Он бросил несколько слов в рацию. Перчатка дотянулась и взяла Аню за руку, так, что стало больно. Пожарный вытащил её, сдёрнул с кровати покрывало, накинул ей на голову и понёс к выходу. Заяц остался под кроватью. Аня рванулась назад, к зайцу, но её держали крепко.

Коридор был красный. Там, где раньше была кухня, огонь гудел низко и без перерыва. Она закричала и забилась: там мама, туда, к маме. Пожарный прижал её сильнее и не остановился.

На площадке он встал у верхней ступеньки. Ступени были мокрые, чёрные и шипели под его сапогами.

— Считай со мной. Раз.

Шаг вниз.

— Два.

Аня не отвечала. Она не могла думать ни о чём, кроме огня за спиной. Мама осталась там.

— Три. Слышишь меня? Считай. Четыре.

Она молчала. Ступени скрипели. Сверху сыпались искры, она видела их в щель покрывала, золотые, красивые, и от того, что они красивые, было ещё страшнее.

— Пять, — сказал он. — Ну. Шесть. Что после шести?

— Семь, — выдохнула она.

— Правильно. Восемь.

— Девять.

На «девять» над ними что-то треснуло. Он пригнулся и накрыл ей голову рукой в перчатке. Аня сжалась и стала считать сама, громче, лишь бы не слышать треска: десять, одиннадцать. На «двенадцать» стало легче дышать. На «четырнадцать» в лицо ударил уличный воздух, сырой и колючий, и она закашлялась так, что заболел живот.

Потом были синие вспышки на мокром асфальте, соседи в пальто поверх ночных рубашек, крики. Её посадили на край кушетки у открытых дверей в скорой. Кто-то накинул ей на плечи огромную куртку, пропахшую сигаретами. Женщина в синей форме светила ей в глаза фонариком и спрашивала, как её зовут. Аня не отвечала. Она искала маму.

Тётя Нина из первой квартиры стояла в домашних тапочках. Дядя Валера держал на руках таксу. Мамы не было.

Пожарный, который посадил её туда, уже разворачивался, когда Аня вцепилась в его рукав.

— Там мама! — Аня ревела уже в голос. — Она сказала, что придёт!

Он оторвал её пальцы от рукава, быстро, по одному. Мама делала так же. Крикнул врачу: «Девочку смотрите!» — и побежал к дому.

Тётя Нина вцепилась в рукав мужа и кричала:

— У Корнеевых баллон на кухне! Баллон у них!

Аня смотрела, как светятся полосы у пожарного на спине. Ей хотелось крикнуть, чтобы он не ходил: дом забрал маму и теперь заберёт его. Крикнуть не получилось. Дым проглотил полосы.

А потом в доме ухнуло. Земля толкнула подножку скорой снизу, в машине звякнули стёкла, и из кухонного окна на втором этаже вырвался огонь, рыжий, до самой крыши. Кто-то закричал. Женщина в синей форме схватила Аню и прижала к себе.

Она не села у окна. Мама велела сесть у окна, а она не села. Если бы она послушалась, мама бы уже вышла.

Аня сидела на кушетке в скорой, держалась за чужую куртку и считала до четырнадцати. Если досчитать, они выйдут. Они не выходили, и она начинала заново.

Мама не вышла. Пожарный тоже.

2

Обратно по лестнице Антон считал уже про себя.

Четырнадцать ступеней, мокрых и скользких, площадка, дверь налево. Дорогу он запомнил, пока нёс девочку. Так учили: путь назад важнее пути вперёд.

Напротив ребята из звена добивали квартиру Михеевых. На лестницу огонь оттуда больше не шёл, но через общую стену он успел уйти к соседям.

Кухню отрезала рухнувшая балка. Над ней ещё держался потолок, тёмный, в трещинах, и он прогибался. Антон понимал, что держаться ему недолго. За балкой, у окна, лежала женщина. В руке у неё был телефон. Она не двигалась.

Он мог доложить и ждать, пока подадут ствол. По инструкции так и следовало. Он перелез через балку.

До окна было четыре шага. Он сделал два.

Он не помнил звука. Помнил, как кухня стала белой. Потом удар, и маску сбило набок. Помнил вдох, в котором был не воздух, а жар. Дальше помнил плохо: чьи-то руки, ремни, свет. Своего лица он не чувствовал, и это было страшнее боли.

Копию рапорта отец принёс через полтора месяца, в ожоговое отделение. Положил на тумбочку рядом с поильником и сел на стул у окна. Разговаривать им было трудно: Антон говорил сипло и коротко, а отец не говорил совсем.

Читать одним глазом оказалось непривычно, строки съезжали.

«...Очаг возгорания — квартира 6. Причина — короткое замыкание электропроводки... разрыв газового баллона в квартире 5, с последующим обрушением перекрытия. Корнеева О. В., 31 год, обнаружена в помещении кухни без признаков жизни. Несовершеннолетняя Корнеева А. С., 7 лет, эвакуирована... Действия личного состава соответствовали требованиям...»

Соответствовали требованиям. Антон перечитал эту строчку несколько раз. Всё в ней было правдой. Он вынес ребёнка. Он вернулся, хотя мог не возвращаться. Баллон разорвало бы и без него. Его вины здесь нет: так написано, так сказал отец и так потом скажут все, кому он позволит об этом заговорить.

Он знал, что это правда. Легче не становилось.

— С местного канала звонили, — сказал отец. — Хотят снять про тебя сюжет.

— Не надо.

— Антон...

— Не надо. Ни лица, ни фамилии.

Отец помолчал и кивнул.

Когда он ушёл, Антон нашёл в рапорте строчку с именем девочки. Корнеева Анна Сергеевна. Семь лет.

Он запомнил её имя, как запомнил и четырнадцать ступенек.

Часть I. Синие глаза. Глава 1. Ветошь

Ей снился Екатерининский парк.

Зима, белые аллеи, и статуи, как каждый год, спрятаны в деревянные короба: серые ящики в человеческий рост стоят вдоль дорожек ровным строем. Анна шла между ними и знала, что в одном коробе не статуя. Она нашла его по звуку: внутри кто-то считал.

— Раз. Два.

Она поддела доску ногтями. Доска подалась легко, с сухим треском.

Внутри стояла мраморная фигура. Лицо гладкое, без черт, без носа и рта, а посередине — глаза. Синие, живые. Они моргнули.

— Три, — сказали глаза. — Четыре.

— Пять, — ответила Анна потолку и проснулась.

Сны всегда были разные. В одном она сдавала экзамен по реставрационным материалам, и экзаменатор, лица которого она не могла разглядеть, поднимал на неё синие глаза. В другом она плыла в заливе, и глаза светились со дна. Лица не было никогда. Только глаза, и всегда одни и те же: глаза человека, которого давно нет в живых. За пятнадцать лет Анна привыкла к этим снам, как привыкают к старому шраму: не болит, но знаешь, где он.

За окном лежал город Колпино, серый и деловой. Над крышами поднимались трубы Ижорского завода, дым из них уходил вбок, в сторону Невы.

Бабушкина квартира за два года не изменилась: Анна ничего не трогала. Кружевная салфетка на телевизоре. Советский железный будильник, который давно не работал. В серванте за стеклом, между хрустальной ладьёй и чашками с синей сеткой, стояла мамина фотография. Бабушка поставила её туда, когда Ане было семь, и сказала: «Пусть мама будет с нами. А говорить про это не будем». Анна послушалась. Она до сих пор не решила, правильно ли сделала.

Кофе, бутерброд с сыром, две таблетки из блистера. Она запила их, убрала блистер в ящик к лекарствам и пошла одеваться.

Будильник в телефоне стоял на два времени: семь утра и одиннадцать вечера. Второй назывался «спать». Анна его не пропускала.

Автобус до Пушкина шёл сорок минут. От остановки до мастерской было десять минут пешком, если идти прямо. Анна шла двадцать: прямая дорога проходила через улицу, название которой мама когда-то кричала в телефонную трубку.

Много лет она объезжала этот город стороной. Когда Вера Ильинична Прокофьева, у которой Анна когда-то проходила практику, позвала её в мастерскую, Анна неделю не отвечала, а потом сказала себе, что город ни в чём не виноват, и согласилась. Шла третья неделя.

Мастерская занимала первый этаж старого флигеля: высокие окна, гудящая вытяжка, тяжёлый дух скипидара и растворителей, к которому через час перестаёшь принюхиваться. На мольберте у окна стоял портрет неизвестной в синем платье, конец восемнадцатого века. Лак на нём потемнел до цвета крепкого чая, и синее платье казалось болотным.

Она закатала рукава. На внутренней стороне левого запястья темнела маленькая ласточка. Вера Ильинична, увидев её в первый день, сказала только: «Растворитель на неё не лей».

Анна намотала вату на деревянную палочку, смочила растворителем и начала с края, маленькими кругами. Окошко два на два сантиметра. Тампон темнел, она меняла его, брала новый. Под коричневой плёнкой проступал цвет: сначала мутный, потом чище, потом синий, тот самый, который двести лет назад выбрал художник.

— Не торопись, — сказала Вера Ильинична, проходя мимо. — Она ждала двести лет, подождёт и до пятницы.

Анна не торопилась. Это было единственное место, где она умела не торопиться.

На втором курсе колледжа ей дали первую учебную доску, почерневшую так, что было не разобрать ничего. Анна просидела над ней неделю. Тампон за тампоном, миллиметр за миллиметром, и однажды из черноты проступил глаз. Потом второй, потом бровь, щека, угол губ. Анна тогда расплакалась прямо в аудитории, и преподаватель решил, что она переутомилась. Она не стала его разубеждать. Она и сама не смогла бы объяснить, что почувствовала, когда из черноты на неё глянуло лицо, которое никто не видел десятки лет.

Днём она пропитывала олифой старую раму, и тряпки комком бросила в пластиковое ведро под столом: потом переложит. Правило она знала наизусть, его повторяли с первого курса: промасленную ветошь — в железный ящик с крышкой, и залить водой. Олифа на скомканной тряпке греется сама, без всякого огня.

В шесть Вера Ильинична надела пальто.

— Ветошь не забудь.

— Не забуду.

Портрет не отпускал. Анна включила музыку в наушниках и работала, пока за окнами не стемнело, а синее платье не проступило на ладонь. Было начало десятого, когда она заметила, что свет лампы стал мутным.

Сначала она решила, что устали глаза. Потом почувствовала запах, тяжёлый, сладковатый, знакомый так, что у неё свело живот раньше, чем она поняла почему.

Из ведра под соседним столом поднимался дым. Серый, густой, он выползал из скомканных тряпок и стелился по полу. Посреди комка ворочался оранжевый язык, маленький, не больше ладони.

Анна знала, что делать. Огнетушитель у двери, красный, в трёх шагах. Крышка от бака с водой, накрыть ведро. Окна не открывать. Телефон в кармане, сто двенадцать. Она знала это, как знала таблицу умножения.

Она стояла и не могла двинуться.

Руки висели. В ушах зазвенело, тонко, на одной ноте. Дым дотянулся до её ботинок, и ступни стали ватными, чужими. Она хотела шагнуть к огнетушителю, но тело не отозвалось, ни одна мышца. В голове кто-то начал считать: раз, два, три. До четырёх она не дошла.

Под потолком взвыл датчик дыма.

Вой ударил в уши и вытряхнул её из оцепенения. Анна попятилась, нащупала спиной дверь, вывалилась на крыльцо и села на ступени, потому что ноги больше не держали.

Сигнализация была выведена на пульт. Через несколько минут во двор въехала красная машина. Анна видела, как двое в боёвках прошли мимо неё в мастерскую, как через минуту вынесли ведро и залили его во дворе, как оно зашипело и выпустило белый пар. Третий пошёл проверять электрощиток.

Всё кончилось за пять минут. Анна сидела на ступенях и дрожала. Она сунула ладони под мышки, но дрожь шла изнутри, от груди, и унять её не получалось.

Один из пожарных подошёл и сел рядом на ступеньку.

— Вы одна были? Больше никого внутри?

Анна кивнула. В ту ночь её спросили почти о том же, и сейчас этот вопрос прошёл по ней, как ток.

— Ветошь с олифой — классика, — сказал он. — В железный ящик её, с крышкой, и водой залить. Вы как? Скорую вызвать?

— Не надо.

Он снял перчатку, потом шлем, и положил шлем на колено. Лицо оставалось в сером подшлемнике, ткань открывала только овал от бровей до подбородка. И глаза.

Анна перестала дрожать.

Всё остановилось: двор, мигалка, пар над ведром, голоса у машины. Синие. Те самые. Она знала их лучше, чем собственные. Годами они моргали ей из мрамора, со дна залива, с

экзаменационного стола. Она не могла бы объяснить, чем именно узнаёт их. Цветом, разрезом, тем, как они щурились от дыма. Она просто знала.

— Эй, — сказал он. — Вы меня слышите?

Он стянул подшлемник. Под ним оказались светлые волосы, мокрые от пота, обычное молодое лицо с красной полосой на лбу от края ткани.

— У вас глаза... — начала Анна и замолчала.

— Красные? — Он усмехнулся и потёр веко. — Дым. К утру пройдёт.

От машины крикнули:

— Пах, поехали!

— Иду. — Он поднялся и взял шлем под мышку. — Ручка есть?

Анна машинально сунула руку в карман фартука. Там лежали маркер и рулон малярного скотча: ими она подписывала банки с растворителями. Он оторвал полоску скотча, написал номер и прилепил ей на рукав.

— Павел. Если будут вопросы по пожарной безопасности.

Машина уехала. Анна ещё долго сидела на крыльце, пока Вера Ильинична, которой позвонили с пульта, не примчалась на такси в домашней кофте под пальто.

В Колпино она вернулась за полночь. Будильник «спать» давно отзвонил. Полоску скотча отлепила с рукава и положила на стол рядом с телефоном. Посидела. Встала, поставила чайник, выключила его, не дождавшись. Снова села.

В час четырнадцать она написала:

«Ветошь в железном ящике. С водой. Анна из мастерской»

Отправила и выключила свет.

В ту ночь глаза ей не снились.

Глава 2. Пышки.

Ответ пришёл через четыре минуты, когда она уже лежала в темноте и делала вид, что спит.

«Молодец. Теперь спать. Павел».

Утром, пока закипал чайник, Анна перечитала его три раза и разозлилась на себя: три слова, и одно из них — имя. Потом перечитала в четвёртый, просто чтобы проверить, что оно никуда не делось.

Павел позвонил в субботу.

— Я со смены, — сказал он вместо «здравствуйте». — У нас сутки через трое, так что до вторника я свободный человек. Вы любите пышки?

Они встретились в пышечной в центре. Там было тесно, пахло жареным тестом и сахарной пудрой, очередь стояла до двери. Он оказался выше, чем она запомнила, широкоплечий, в серой куртке нараспашку, и, когда он заметил её в дверях и улыбнулся через всю очередь, у Анны внутри коротко ёкнуло, и она сделала вид, что поправляет шарф.

Он смеялся раньше, чем договаривал шутку. Это она поняла в первые пять минут. И ещё поняла, что он умеет слушать: не кивает для вида, а поворачивается к ней всем корпусом, облокачивается на высокий столик и ждёт, пока она договорит, даже если она говорит ерунду.

— Павел Андреев — это для отдела кадров, — сказал он, сдувая пудру с пышки ей на рукав. — Для остальных Паша. Для своих в части Паха.

— А я для кого?

— Пока для остальных. — Он посмотрел на неё поверх стакана с кофе, долго, весело. — Там видно будет.

Она спросила, каково это — ездить на пожары.

— На пожары мы ездим реже, чем ты думаешь. — Он перешёл на «ты» так легко, что Анна заметила это, только когда ответила тем же. — Лифты, двери, бабушка заперлась на балконе. В прошлом месяце мужик застрял головой в заборе. Хотел срезать путь.

— А пожары?

— Бывают. — Он дожевал пышку. — Про них потом.

Он потянулся за салфеткой и задел её руку. Случайно. Или нет. Пальцы у него были горячие от стакана, и Анна почувствовала это прикосновение дольше, чем оно длилось.

— Ласточка? — Он кивнул на её запястье.

— Ласточка.

— Почему?

— Потом расскажу.

Он усмехнулся, и у него собрались морщинки в уголках глаз.

— Как я про пожары.

— Как ты про пожары.

— Значит, будет второе свидание, — сказал он. — Раз у нас обоих «потом».

Анна засмеялась и не стала спорить.

Про её работу он спрашивал долго и всерьёз. Как снимают лак? Чем? Не страшно испортить? Анна рассказывала про тампоны, растворители, пробные окошки, про синее платье, которое проступает из-под коричневого, и сама не замечала, как оживляется, как начинает показывать руками, как ведёт по воздуху невидимым тампоном. Он слушал, подперев щёку кулаком, и не сводил с неё глаз.

— То есть ты стираешь время, — сказал он.

— Нет. Время остаётся. Я снимаю то, что легло сверху.

— Как копоть.

— Как копоть, — согласилась она и удивилась, что пожарный понял это быстрее, чем половина её однокурсников.

На выходе он взял ещё бумажный пакет, десяток, с собой.

— Сестре. Я к ним сегодня. Если приду без пышек, меня на порог не пустят.

— Сколько ей?

— Восемь.

Анна прикинула в уме разницу, и он заметил.

— Отец поздно женился во второй раз. Лиза — от Марины, это мачеха. Отца три года как нет, а Лиза есть. Ещё брат, старший. — Он скомкал салфетку и бросил в урну мимо. — Долгая история. В другой раз.

Он проводил её до метро. У турникетов остановился, сунул руки в карманы и покачался на пятках, как мальчишка.

— Во вторник я снова свободный человек, — сказал он. — Комарово. Залив. Поедешь?

— В ноябре? На залив?

— Там никого нет. Только мы и чайки.

Анна ехала домой в метро, потом в автобусе, и всю дорогу у неё горели щёки, и она не могла вспомнить, когда в последний раз её так легко было рассмешить.

В Комарово было ветрено и пусто. Песок, сосны, серая вода до самого горизонта. Паша взял с собой термос, с чаем и лимоном, и они пили по очереди из одной крышки, сидя на перевёрнутой лодке. Ветер был злой, мокрый, Анна мёрзла и делала вид, что не мёрзнет. Паша посмотрел на неё, ничего не сказал, снял свой шарф и замотал ей шею в два оборота, не дожидаясь возражений. Шарф был тёплый, нагретый его шеей, и пах им, его кожей, дымом, его одеколоном, и Анна уткнулась в него носом и на секунду закрыла глаза.

Потом он взял её руки, обе, и сунул к себе в карманы куртки вместе со своими. Они стояли так на берегу, лицом к лицу, совсем близко, её ладони в его ладонях, в тепле его карманов, и Анна чувствовала его дыхание у себя на лбу.

— А твои? — спросил он. — Родители где?

— Отца я не знаю. А мама погибла, когда мне было семь. Меня бабушка вырастила.

Его пальцы в кармане сжали её пальцы.

— Прости.

— Ничего. — Анна кивнула за его плечо. — Смотри, морж.

Из залива, ухая и отфыркиваясь, выходил седой старик в одних плавках. Пар валил от него, как от чайника. Паша обернулся, посмотрел на моржа, потом на Анну и ничего больше не спросил. Ей это понравилось больше, чем всё, что он мог бы сказать.

На обратном пути, на станции, солнце вышло из-за туч, и Анна видела его глаза при дневном свете. Те же. Синие, с тёмным ободком. Слова про сны стояли у неё в горле, и она их проглотила. Рано. Пусть сначала он будет Пашей, а не глазами из сна.

И он был Пашей. Это было самое странное. Она смотрела на него на пустой платформе, на то, как он прыгает на месте, чтобы согреться, как дует на пальцы и смешно морщит нос, и думала не про глаза. Она думала про его руки в карманах. Про то, как он держал её пальцы. Про то, что ей хочется, чтобы он подошёл ближе. Ещё ближе. Чтобы наклонился.

Он подошёл. Остановился в полушаге. Посмотрел на её губы, потом в глаза. Анна перестала дышать.

Электричка загудела из-за поворота, и Паша засмеялся, тихо, досадливо, и отступил.

— Ну вот, — сказал он. — Испортила момент.

В электричке они сидели рядом, плечом к плечу, и молчали, и это молчание было тяжёлым и сладким, и Анна смотрела в окно на сосны и чувствовала его плечо всей своей кожей сквозь две куртки.

В кино, на третьем свидании, он заснул на середине. Прямо у неё на плече. Анна сидела, не шевелясь, полтора часа, и смотрела не на экран, а на него: на светлые ресницы, на приоткрытый рот, на щетину, на руку, которая во сне соскользнула ей на колено и осталась там. Тяжёлая, тёплая. Она смотрела на эту руку и думала, что, если он сейчас проснётся и уберёт её, она расстроится. Он не проснулся до самых титров, а потом клялся, что прикрыл глаза на минуту, и пересказывал фильм так, что Анна хохотала до слёз: в его версии всё кончилось свадьбой, хотя на экране всех убили.

Поцеловал он её в машине у подъезда, в тот же вечер.

Мотор работал, печка гудела, на стёклах таял снег. Он замолчал на полуслове, повернулся к ней и посмотрел так, что у Анны пересохло во рту. Потом положил ладонь ей на затылок, медленно, давая время отстраниться, и она не отстранилась. Он поцеловал её долго, без спешки, и губы у него были тёплые и чуть сладкие от газировки из кинотеатра. Анна сначала замерла, а потом подалась к нему и вцепилась пальцами в ворот его куртки, и он засмеялся ей в губы, тихонько, и поцеловал снова, глубже, и рука его соскользнула с её затылка на шею, на ключицу, под край шарфа.

Когда они оторвались друг от друга, стёкла запотели насквозь. Анна дышала так, будто бежала по лестнице.

— Мне пора, — сказала она, не двигаясь.

— Пора, — согласился Паша и снова её поцеловал.

Она поднялась к себе с горящим лицом и долго стояла в прихожей, прислонившись спиной к двери, трогая пальцами губы. Ей хотелось, чтобы он поднялся. Хотелось так сильно, что это пугало. Она не позвала. Рано. Пусть будет ещё немного вот этого, ожидания, когда всё впереди.

До трёх она не могла уснуть. Перемыла посуду, разобрала ящик бабушкиного комода, который не трогала два года. В три заставила себя лечь. Открыла в телефоне приложение, где каждый вечер ставила себе цифру от одного до десяти. Поставила восемь. Подумала и исправила на шесть. Это просто влюблённость, сказала она себе. От влюблённости все не спят.

За две недели они виделись шесть раз.

Пиво на ступеньках у Невы, хотя было уже холодно для ступенек. Он держал её за руку так, как держат своё, не спрашивая. Целовал её на каждом светофоре, на каждой остановке, в подъездах, в лифтах, и она смеялась и отвечала, и каждый раз, когда он отпускал её, ей было мало. Ей нравились его ладони, широкие, с жёсткими подушечками, и то, как он кладёт их ей на талию, легко, уверенно. Нравилось, как он закидывает голову, когда смеётся. Нравилось, что рядом с ним не нужно ничего объяснять. Нравилось, как он смотрит на неё, когда думает, что она не видит.

Она ловила себя на том, что весь день ждёт вечера. Что на работе, над портретом, вдруг вспоминает его руку на своей шее и теряет нить. Что засыпает с телефоном в руке.

В пятницу вечером он позвонил прямо с дежурства. В трубке гудела сирена и кто-то ругался.

— В воскресенье что делаешь?

— Работаю.

— Не работаешь. В воскресенье ты едешь со мной к Марине. Познакомишься с моими. — Он помолчал, и Анна слышала, как он улыбается. — Лиза уже требует.

— Чего требует?

— Посмотреть на тебя. Я ей рассказал про горящую ветошь.

Глава 3. Воскресенье

Куда едут, Паша не сказал, только «к Марине». Анна поняла, когда машина проехала указатель: Пушкин.

Она отвернулась к окну и стала считать повороты. Налево, прямо, у светофора направо. Только бы не туда. Машина свернула в другую сторону, к вокзалу, и Анна разжала пальцы на ремне.

— Ты чего? — Паша покосился на неё.

— Ничего. Укачало.

Пятиэтажка из жёлтого кирпича, третий этаж.

Дверь распахнулась раньше, чем Паша позвонил. На пороге стояла девочка в свитере с оленем, с толстой тетрадью под мышкой. Она не улыбнулась. Оглядела Анну долго, с ног до головы, как оглядывают вещь, которую предстоит купить или не купить.

— Ты Анна, — сказала она. — Паша про тебя рассказывал. Разуваться обязательно, это правило номер два.

Марина оказалась невысокой, светловолосой, с аккуратной стрижкой и в фартуке поверх джинсов. Она обняла Пашу, пожала Анне руку двумя ладонями и сказала: «Наконец-то» так, что стало понятно: про Анну здесь говорили.

В комнате пахло пирогами. Над диваном висела большая фотография: мужчина лет пятидесяти в парадной форме, седой, с прямой спиной и Пашиными синими глазами. Анна остановилась перед ней. Что-то в этом лице было знакомое, и она не могла понять что.

— Папа, — сказала Лиза за её спиной. — Он был начальником всех пожарных в Пушкине. Ты садись. Мне нужно задать тебе три вопроса.

— Лиза, дай человеку осмотреться, — крикнула Марина из кухни.

— Это правило! Гость отвечает на три вопроса. Номер одиннадцать. — Лиза раскрыла тетрадь. На обложке фломастером было выведено «КНИГА СЕМЕЙНЫХ ПРАВИЛ», а ниже, мельче: «не трогать».

Анна села на край дивана.

— Задавай.

— Первый вопрос. Ты веришь, что папа нас видит? — Лиза кивнула на фотографию над диваном.

Анна посмотрела на седого мужчину в парадной форме. Подумала о серванте в Колпино.

— У меня мама на фотографии. Я с ней иногда разговариваю.

Лиза помолчала. Сделала пометку в тетради.

— Это правильный ответ, — сказала она.

— Второй. Какое у тебя любимое слово?

Анна подумала.

— Олифа.

— Это что?

— Масло для дерева. Им пропитывают рамы, чтобы не рассыхались.

— Хорошее слово, — признала Лиза и записала, высунув кончик языка. — Третий. Самый важный. — Она подняла глаза. — Ты знаешь сказку про Красную Шапочку?

— Знаю.

— А в моей сказке Красная Шапочка съела Большого Серого Волка.

— Почему?

— Ей нужно было добрать дневную норму белка!

Из кухни раздался смех Марины.

— Лиза, тебе надо поменьше общаться с тётей Леной!

Лиза закрыла тетрадь с видом судьи, который вынес решение и обжалованию оно не подлежит.

— Принята, — сказала она. — Временно.

Лиза взяла Анну за руку, повернула запястье к свету и долго разглядывала татуировку.

— Ласточки возвращаются туда, где у них было гнездо, — сказала она. — Нам в школе рассказывали. Всегда.

Анна ничего не ответила. За окном был Пушкин.

— Анечка, вина? — спросила Марина.

— Нет, спасибо. Я не пью.

— Тётя Лена тоже не пьёт, — сообщила Лиза. — Она говорит, это вредно для клеток.

За столом Анна поняла, что Паша здесь другой. Он резал пирог, разливал чай, подкладывал Лизе начинку, которую та тайком переправляла обратно ему на тарелку, и ни разу не сделал вид, что не заметил. Он рассказал Марине про мужика застрявшего в заборе, и Марина смеялась, прикрывая рот ладонью. После обеда он полез под кухонную раковину, подтянуть подтекающую гайку, и оттуда торчали только его ноги в носках, а Лиза сидела рядом на корточках и подавала ключи, не глядя, какой просят.

Стол был накрыт на пятерых.

Пятая тарелка так и стояла чистой, с вилкой и ножом, до самого чая. Анна несколько раз задевала её краем глаза.

— Антон опять на дежурстве, — сказала Лиза, перехватив её взгляд. — Он всегда на дежурстве, когда гости.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.